

МИНИАТЮРЫ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ: ПРОБЛЕМЫ ПРОЧТЕНИЯ

Игорь Данилевский

Анотация: Въз основа на критически анализ от предния опит в изучаването на древноруските миниатюри, които съпровождат летописните текстове, в статията се предлагат нови подходи към коректното описание и изследване на значението и смисъла на визулните източници на ретроспективната информация.

Ключови думи: древноруска летопис, миниатюри, ретроспективна информация

Миниатюры древнерусских лицевых летописных сводов, в частности, Радзивиловской летописи (далее – РЛ), долгое время не привлекали внимания историков. Нельзя сказать, что это было следствием недоступности рукописи исследователям. Довольно точная копия ее была сделана для личной библиотеки Петра I¹ и после смерти императора поступила в Библиотеку Академии наук². Туда же в 1761 г. попал и оригинал, который в 1758 г. был вывезен из занятого в ходе Семилетней войны Кенигсберга. После этого с летописью работали А.Л. Шлётцер (Schlözer 1768, Schröder 1802-1809), Х.А. Чеботарев, Н.И. Чернов, М.Н. Муравьев, А.Н. Оленин, Н.М. Карамзин, А.И. Ермолаев, но их интересовал только текст (как вариант Лаврентьевской редакции). Лишь А.Н. Оленин высказал мнение, что при публикации текст РЛ можно сопроводить «некоторыми из любопытнейших рисунков, относящимися к древним обычаям» (Шахматов 1902: 15-16). Однако такое издание, подготовленное А.И. Ермолаевым, не увидело свет. Только в 1902 г. появилась первая небольшая статья, специально посвященная миниатюрам РЛ (Кондаков 1902). Однако и после нее на протяжении нескольких десятилетий исследователей интересовали в основном вопросы, связанные с происхождением миниатюр и их художественными особенностями (Сизов 1905, Айналов 1908, Артамонов 1931).

1 Впервые Петр, судя по всему, увидел ее еще в 1697 г., когда в составе Великого посольства посетил Королевскую библиотеку в Кенигсберге. Во время второго посещения Кенигсберга в 1711 г. Петр приказал снять копию с заинтересовавшей его летописи. В 1713 г. копия была доставлена в Петербург.

2 С Петровской копией работали И.-В. Паус, Г.-З. Байер, В.Н. Татищев, Г.-Ф. Миллер, М.В. Ломоносов. Текст ее был опубликован (Летопись 1767).

Возможно, виной тому была «примитивность» летописных изображений, несоответствие их художественным вкусам второй половины XVIII – XIX в. Во всяком случае, они явно не воспринимались как исторический источник, открывающий дополнительные возможности для познания прошлого.

Лишь в статье В.И. Сизова было обращено внимание на возможность символического истолкования некоторых изображений. В частности, речь шла о «пририсовках» — изображениях животных, появление которых на миниатюрах невозможно было объяснить ни текстом, который они сопровождали, ни композицией самих миниатюр; напротив, эти «лишние» фигуры сплошь и рядом нарушали общую композицию, как бы насиливо «втискиваясь» «в и без того тесное пространство» (Подобедова 1965: 74). Долгое время догадки В.И. Сизова о смысле этих изображений неоднократно повторялись в литературе, но практически никак не развивались.

Наконец, в 1944 г. появилась работа, в которой миниатюры РЛ были рассмотрены как источник ретроспективной информации (Арциховский 1944). Классическая монография А.В. Арциховского на многие годы определила магистральное направление анализа древнерусских миниатюр, сопровождающих летописные тексты: сравнение визуальных образов с археологическими реалиями. Такой путь позволил сделать ряд важных выводов относительно датировки миниатюр. В частности, удалось доказать, что часть миниатюр восходит к гипотетическим визуальным «протографам» XII в. Однако он же оказался тупиковым направлением в понимании изображений, как своеобразного визуального текста, оставленного нам безвестными художниками-летописцами. Дело в том, что миниатюры РЛ — один из немногих образцов «нarrативных» изображений, тесно связанных с текстом. Однако, во-первых, сам летописный текст неоднозначен. Во-вторых, неясными оставались пути и методы, которыми следовал древнерусский миниатюрист при перекодировке вербальной информации в визуальные образы.

Тем не менее, первый шаг в работе с древнерусскими визуальными источниками был сделан.

С тех пор миниатюры РЛ постоянно привлекают внимание историков. Прежде всего, они «историчны»: это едва ли не единственные древнерусские визуальные образы столь преклонного возраста. Правда, чаще всего их используют в качестве простых иллюстраций к

историографическому нарративу. «Очевидность» значений и смыслов этих изображений сыграла при этом не последнюю роль. Прямые ассоциации стали основным инструментом в работе с ними — и основным препятствием на пути понимания языка древнерусских изображений. До недавнего времени единственной сложностью их восприятия представлялось освоение современным исследователем особенностей «внешних» пространственно-временных форм изображений XII–XV вв. А.В. Арциховский не сомневался, что содержание миниатюр полностью соответствует летописному тексту: «иллюстратор следовал тексту настолько точно, что даже почти все мелкие аксессуары соответствуют тем или иным словам летописца». Расхождения между текстом и изображениями, по мнению исследователя, в основном сводились к мелким несоответствиям («например, меч вместо сабли, сабля вместо меча»). Смысл лишь двух или трех изображений казался ему не вполне ясным (Арциховский 2004: 31).

В основе такого прочтения лежало представление о том, что «художник аскетически воздерживается от сообщения зрителю чего-то такого, чего нет в тексте летописи» (Лихачев 1979: 47). Скорее всего, это действительно так. Вопрос лишь в том, насколько сложен сам вербальный текст древнерусских летописей. Д.С. Лихачев настаивал на одноплановости летописных сообщений, которые, по его словам, представляли собой светский жанр литературы, и являлись «моментом историко-юридическим», лишь «в какой-то степени» представляя художественное сознание (Лихачев 1979: 65). Между тем, есть все основания утверждать, что текст летописи многослоен и полисемантичен, причем количество смыслов вряд ли поддается точному учету (Данилевский 2004).

Как бы то ни было, центральным был и остается вопрос о соотношении вербальных и визуальных текстов, проблема их корреляции.

Даже представление о буквальном следовании миниатюристов вербальному тексту не могло снять проблемы необходимости символического истолкования летописных миниатюр (на это, в частности, наталкивали отмеченные А.В. Арциховским, «мелкие несоответствия» текста и изображения под ним³). Однако попытки раскрыть символические

3 Характерным примером такого рода является изображение убийства Андрея Боголюбского, на котором ясно видно, что у Андрея отрублена левая («шуяя») рука, а не правая («десная»), как указано в тексте летописи (РЛ 1989: 138; ср.: РЛ 1994: 215в.). Здесь и далее *в.* обозначает верхнюю миниатюру на листе, а *и.* — нижнюю. Если на листе помещена только одна миниатюра, дополнительное указание не дается.

смыслы изображений, сопровождающих летописный текст, — при всей их, подчас, соблазнительности и внешней убедительности — со всей очевидностью показали отсутствие достаточных оснований для верификации получаемых результатов.

Наиболее яркими образцами в этом отношении стали работы столь непохожих друг на друга исследователей, как Д.С. Лихачев и Б.А. Рыбаков. Анализируя одни и те же миниатюры, их детали и отдельные сюжеты, эти ученые пришли к заключениям, которые, несмотря на всю их видимую близость, существенно расходились. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что противоречия в этих выводах проистекают, прежде всего, из произвольности предлагаемых интерпретаций визуального текста. Характерным примером является истолкование ими изображений трубачей, сопровождающих целый ряд миниатюр.

л. 207 [Рис. 1]

129 л. РЛ [Рис. 2]

Так, Д.С. Лихачев пришел к выводу, что в РЛ «обозначением мира служат трубачи, трубящие в трубы». При этом он, судя по всему, опирался на прямые указания текста на л. 207 [Рис. 1], предваряющие изображение двух трубачей, стоящих по разные стороны реки: «И иде Глѣбъ к Переяславьским половцем на снемъ, а другим половцем Корсуньским посла река: “Пождите мене ту. Иду к Переяславлю, и умиряся с тѣми половци, и прииду к вам на миръ”» (РЛ 1989: 133). В то же время Д.С. Лихачев отметил: «Если трубит *только один трубач* — это символ сдачи города» (Лихачев 1979: 41; курсив мой. — И.Д.). К сожалению, это утверждение никак не аргументируется. Мало того, буквально на той же странице при анализе миниатюры на обороте 129 л. РЛ [Рис. 2] сам исследователь между прочим заметил, что на ней изображено, как «с башни *два трубача* трубят в трубы, знаменуя сдачу» (Лихачев 1979: 41; курсив мой. — И.Д.).

Судя по всему, автор «Поэтики древнерусской литературы» даже не заметил противоречия в собственных определениях символического смысла анализируемых миниатюр.

л. 169 [Рис. 3]

л. 196 об. (н.)

Между тем, ни содержание миниатюр, ни сопровождающие их тексты не позволяют полностью согласиться с первоначально предложенной Д.С. Лихачевым символической трактовкой образа трубачей. Так, на л. 169 [Рис. 3] изображение трубача сопровождает сообщение о походе Ярополка Владимиrowича во главе объединенного войска на Чернигов в 1138 г.⁴ Другим примером такого рода может быть миниатюра на л. 196 об. (н.). На ней трубач сопровождает изображение совещания галицкого князя Ярослава Владимиrowича со

своими боярами в связи с наступлением киевского князя Изяслава Мстиславича и его братьев на Галич [Рис. 4]. Согласно статье 6661/1153 г., которую она «иллюстрирует», галичане вовсе не собирались сдаваться. Напротив, речь шла о том, кто должен участвовать в предстоящем сражении⁵. Любопытно, что Б.А. Рыбаков произвольно трактует эту миниатюру как изображение приема боярина Петра Бориславича князем Ярославом Осмомыслом (Рыбаков 1984: 221-222; Рыбаков 1991: 162-163; ср.: Данилевский 2001: 334).

Puc. 4

4 «[В] то же лѣто яша Олговича Святослава, бежача из Новагорода, и прииде вѣсть ко Ярополку, отоле болши поча воевати Олговичи, и приведоша полови множество, и взяша Прилукъ, хотя поити х Киеву. оже Ярополкъ доспѣль со братъю своею и идоша опять к Чернигову» (РЛ 1989: 109).

5 «На ту же зиму Изяславъ, совокупивъся со братъю, поиде на Володимирковича на Галичъ. И пришедшю ему к Теребовлю, здумавше бояре Володимирковича, и рѣша князю своему: “Княже, ты еси у нас одинъ. Аже ся тобъ что сотворить, что намъ дѣти? Поѣди, княже, къ городу, а мы ся бьемъ сами со Изяславомъ. А кто насъ будетъ живъ, а прибѣгнемъ къ тебѣ. А тогды ся съ тобою затворимъ въ городѣ”» (РЛ 1989. 125).

В то же время, сам Д.С. Лихачев совершенно справедливо подчеркивает, что «зрительно представленное повествование требовало некоторого однообразия в «обозначениях»» (Лихачев 1979: 42). Другими словами, если какой-то визуальный образ на одной миниатюре является символическим изображением, то он должен иметь тот же смысл на всех миниатюрах. Поскольку это правило в данном случае явно не соблюдается, предлагаемые Д.С. Лихачевым интерпретации символического смысла, которым миниатюрист якобы наделяет фигуры трубачей, не имеют достаточных оснований.

В отличие от Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбаков считает, что изображения трубачей связаны не с установлением мира или сдачей города, а являются своего рода пояснениями, «своим» или «чужим» досталась победа в том или ином сражении. Соответственно, в РЛ, как считает Б.А. Рыбаков, изображения трубачей дифференцированы.

Так, по его мнению, на л. 169 [Рис. 3] «не без иронии пририсован трубач на миниатюре, изображающей поход Ярополка на Всеволода Ольговича в 1136 г.: Чернигов, где закрепился Ольгович, был обложен буквально со всех сторон, как красный зверь на облавной охоте»: «художник, остроумно оценив ситуацию, изобразил не обычного трубача — “герольда”, а юношу-загонщика, трубящего в огромный турий охотничий рог» (Рыбаков 1984: 217). Эта интерпретация, связанная с заменой на миниатюре «традиционной» трубы «охотничим рогом»,казалось бы, вполне логична. Однако она теряет значительную часть своей убедительности, если обратить внимание на то, что это — не единственное изображение «рога»: он присутствует также на лл. 194 [Рис. 5] и 234 об. [Рис. 6] и связан в первом случае с возвращением Изяслава в Киев после заключения мира с польским королем в 1152 г. (трубач изображен, судя по всему, на киевской стене) (РЛ 1989: 124), а во втором — с бегством Игоря Святославича из половецкого плена в 1186 г.; причем, в рог трубит вовсе не «загонщик»-половец, а один из спутников Игоря (РЛ 1989: 152).

лл. 194 [Рис. 5]

234 об. [Рис. 6]

л. 167 [Рис. 7]

При победах «Володимеричей над Ольговичами» трубачи на полях миниатюр якобы всегда «трубят горделиво, подбоченясь, подняв трубу вверх» (Рыбаков 1991: 191). Вообще, считает Б.А. Рыбаков, трубачи «всегда символизируют победу великого князя Ярополка над “заратившимися” Ольговичами или над их союзниками половцами» (Рыбаков 1984: 217). Однако при

обращении к миниатюрам оказывается, что в ряде случаев так изображается трубач как раз при победе Ольговичей (напр., на л. 167 [Рис. 7])⁶, когда, если следовать предложенной Б.А. Рыбаковым трактовке, «труба [должна быть] опущена к земле» (Рыбаков 1991: 191). Для того, чтобы связать (как это делает Б.А. Рыбаков) данное символическое изображение (и всю миниатюру) со *следующим за ним* текстом, в котором действительно речь идет о победе Владимировичей, необходимо специально доказать наличие отступления миниатюриста от общепринятого порядка связи изображения с текстом. Однако практически во всех случаях (так считают все без исключения исследователи и публикаторы РЛ) оно *следует за «иллюстрируемым» текстом, а не предваряет его.*

К тому же и сам Б.А. Рыбаков когда-то придерживался прямо противоположного мнения. Тогда он полагал, что «трубачи как бы символизируют фанфаронство Ольговицей» (Рыбаков 1946: 327).

Так, комментируя только что упоминавшуюся миниатюру с трубачом на л. 167 (н.), исследователь отмечает, что на ней «трубач трубит в горделивой позе, подбоченяясь» (Рыбаков 1946: 327).

л. 168 [Рис. 8]

Продолжая комментарий, он обращает внимание на то, что после летописного сообщения о взятии Ольговичами и половцами Треполя и Халепа, и прихода их к Киеву следует миниатюра (л. 168 [Рис. 8]), на которой «трубач трубит под деревом», прославляя победы Ольговичей (Рыбаков 1946: 327). Через 45 лет

6 Ср.: «В том же лѣтѣ почаша опять О[л]говичи рать въздвизати, и начаша воевати села и города по Сулѣ, и приидоша к Переяславлю, и многи пакости сотвориша, и устие пожгоша, и отъидаша, и сташа на Супои» (РЛ 1989: 108).

настроение этого трубача под пером Б.А. Рыбакова резко изменится: «Ярополк уклонился от боя. Художник тонко осудил его — трубач понуро трубит, опустив трубу» (Рыбаков 1991: 192).

л. 169 (в.) [Рис. 9]

сообщающем о крушении этих планов: «оже Ярополкъ доспѣль со братьею своею и идоша опять к Чернигову» (РЛ 1989: 109).

Точно такой же трубач на л. 169 (в.) [Рис. 9] получил

совершенно иную характеристику: он «дудит в землю; рука скорбно поддерживает лицо» (Рыбаков 1991: 192; прежде он «закрывал рот рукой»: Рыбаков 1946: 327). Для того, чтобы и на этот раз изменить настроение трубача, Б.А. Рыбакову пришлось связать его с текстом, повествующем о том, что Ольговичи еще «болши поча воевати... и приведоша половци множество, и взяша Прилукъ, хотя поити х Киеву». При этом исследователь не обратил внимания на то, что миниатюра следует не за процитированным текстом, а за его продолжением,

Впрочем, изменение «принадлежности» символического трубача той или иной из борющихся сторон не всегда вело к изменению трактовки его «настроения». Так, на л. 169 об. [Рис. 10] «трубач приветственно [в более поздней версии — «торжественно»] трубит над сидящим князем» — независимо от того, как трактовать этот сюжет: как то, что «Всеволод

Ольгович под давлением черниговцев оставил свое “высокоумие” и “створиша мир” с Ярополком» (Рыбаков 1946: 327), или как то, что «Ярополк победил Всеволода Ольговича “и створиша мир”» (Рыбаков 1991: 192). Речь в данном случае, видимо, идет лишь о том, какое имя присвоить изображению князя, над которым трубит трубач.

Приведенные примеры показывают, что символическая интерпретация визуальных источников не может опираться на удачно найденную трактовку одного сюжета, одной миниатюры. Лишь систематическое изучение всего визуального ряда может дать достаточно надежные основания для того, чтобы понять смысловые связи между вербальными и визуальными текстами, уловить и обосновать символическое наполнение зрительных образов. К

сожалению, до сих пор мы не то что не имеем ответов на подобные вопросы — не разработан сам вопросник, который позволил бы подойти к выявлению и пониманию таких связей. Грандиозная работа, проделанная предшествующими поколениями историков, искусствоведов и культурологов по анализу древнерусских книжных миниатюр, позволяет сегодня предпринять некоторые шаги в этом направлении.

Первое требование, которое, на наш взгляд, необходимо соблюдать при интерпретации отдельных сюжетов или деталей изображения, — учет всех без исключений подобных случаев. Только это может обеспечить надежность и верифицируемость полученных результатов: найденное решение должно быть справедливо (или возможно) для всех учтенных эпизодов. Так, Б.А. Рыбаков, предлагая свое толкование символическим изображениям трубачей, исходит из того, что трубачей в РЛ всего пять: «один... мальчик, трубящий в турий рог» и четыре «герольда»: «трубача с длинной трубой, с саблей и в короткой одежде», которые «изображаются только там, где описываются действия Всеволода Ольговича и его братьев» (Рыбаков 1946: 326). Все эти изображения приходятся на период с 1136 по 1139 г.: «они исчезают со времени покорения в Киеве Всеволода Ольговича» (Рыбаков 1946: 325). «Трубачи, — утверждает Б.А. Рыбаков, — впервые появляются только на 167-м листе (1136 г.) и встречаются на нескольких миниатюрах подряд (л. 167 н.; 168 в.; 169 в.; 169 в. [? видимо, ошибочно вместо «н.»]; 169 о[б].)» (Рыбаков 1984: 217). Отсюда, собственно, и следует вывод о связи изображений трубачей с победами Ярополка над Ольговичами.

Рис. 11

Рис. 12

На самом деле трубачи появляются на страницах РЛ гораздо раньше, начиная с

миниатюры, связанной с сообщением 6410/902 г. о походе императора Леона на Болгарию [Рис. 11]. Да и исчезают они лишь в самом конце летописи, под 6706/1198 г., на изображении возвращения великого князя во Владимир после победы над половцами [Рис. 12]. Всего же в РЛ 26 миниатюр с изображениями трубачей (лл. 14 н. [Рис. 11]; 15 н. [Рис. 13]; 35 об. в. [Рис. 14]; 37 об. [Рис. 15]; 43 об. [Рис. 16]; 129 об. в. [Рис. 2]; 134 [Рис. 17]; 144 об. [Рис. 18]; 145 в. [Рис. 19]; 167 н. [Рис. 7]; 168 в. [Рис. 8]; 169 в. [Рис. 9], н. [Рис. 3]; 169 об. [Рис. 10]; 173 об. н. [Рис. 20]; 185 н. [Рис. 21]; 194 н. [Рис. 5]; 196 об. н. [Рис. 4]; 203 об. н. [Рис. 22]; 207 об. в. [Рис. 1]; 225 об. [Рис. 23]; 227 об. в. [Рис. 24]; 234 об. н. [Рис. 6]; 236 об. в. [Рис. 25]; 243 [Рис. 26]; 243 об. в. [Рис. 12]).

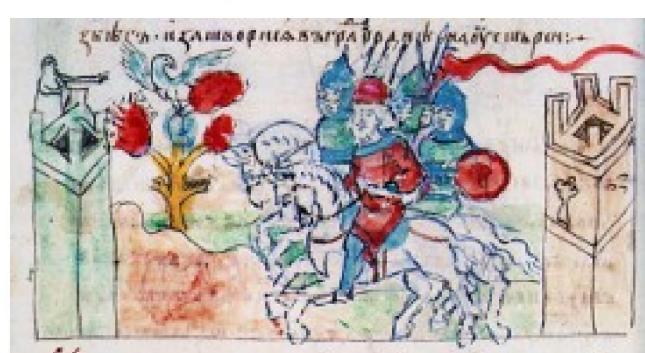
15 н. [Рис. 13]

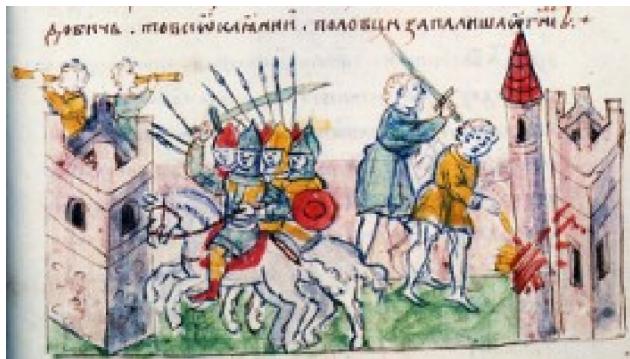
35 об. в. [Рис. 14]

37 об. [Рис. 15]

43 об. [Рис. 16]

134 [Puc. 17]

144 об. [Рис. 18]

145 e. [Puc. 19]

173 об. н. [Рис. 20]

185 н. [Рис. 21]

203 об. н. [Рис. 22]

225 об. [Рис. 23]

227 об. в. [Рис. 24]

236 об. в. [Рис. 25]

243 /Рис. 26/

Если провести частотный анализ слов, присутствующих в текстах, непосредственно связанных с указанными миниатюрами⁷, выявится довольно любопытная закономерность. Лишь 3 слова оказываются четко связанными с изображениями трубачей: *прийти / идти* (41 упоминание); *град / город* (35 упоминаний) и *князь* (21 упоминание). За ними с заметным отставанием следуют слова: *свои* (17 уп.), *есть/быти* (17 уп.), *Бог* (17 уп.) и *мы/наши* (16 уп.). Все прочие слова встречаются менее чем в половине случаев. Таким образом, у нас есть некоторые основания полагать, что изображения трубачей сопровождали летописные сообщения о въезде князя в свой город⁸.

Большинство из рассмотренных нами трубачей явно отличается «по внешнему виду» от «герольдов», о которых пишет Б.А. Рыбаков. Однако более внимательное знакомство с миниатюрами позволяет утверждать, что, по крайней мере, еще на трех миниатюрах, не принятых Б.А. Рыбаковым во внимание (лл. 196 об. н.; 203 об. н.; 207 об. в.), изображены

7 Для «чистоты эксперимента» при расчетах брался весь фрагмент летописного текста, помещенного между предыдущей и интересующей нас миниатюрой, поскольку не всегда с полной уверенностью можно утверждать, что изображение, смысл которого мы пытаемся выявить, связано лишь с той или иной частью этого фрагмента. При этом учитывалось, что миниатюры связаны именно с предшествующим им текстом.

8 В данном элементарном подсчете не учтены случаи упоминания конкретных городов, а также других глаголов, обозначающих пространственные перемещения, что сделало бы картину еще более наглядной.

типологически близкие им трубачи, имеющие вполне отчетливую связь с «германизмами» так называемого «второго миниатюриста» (Подобедова 1965: 72–80). В связи с этим возникает вопрос, отличаются ли «герольды» от всех прочих трубачей, либо их отличия связаны только с индивидуальными манерами мастеров-миниатюристов и не затрагивают символической наполненности этих образов?

Попытка отдельного обсчета текстов, связанных только с «герольдами», не дала возможности выявить сколько-нибудь существенных отличий их от других трубачей. В восьми случаях встречено 23 упоминания глагола *идти* (в различных формах), 10 упоминаний слова *князь*, 9 упоминаний *половцев* (включая прилагательное *половецкий*) и по 8 упоминаний Бога, *мира* (в том числе, в формах *замиритися*, *смиритися*) и глагола (*со-, с-, за-*)*творити*. Все прочие слова явно уступают им по частотности употребления.

Приведенные подсчеты, естественно, можно рассматривать лишь как первый шаг в разработке методик, позволяющих получить верифицируемые результаты в интерпретации визуальных источников. Пока же авторы чаще исходят из собственных априорных представлений о том, что может и должно изображаться на миниатюре. Реальные принципы и механизмы перекодировки вербального текста в визуальный ряд чаще всего подменяются «здравым смыслом» современного исследователя.

Особенно ясно это становится при интерпретации уже упоминавшихся символовических изображений животных. Следуя традиции, заложенной еще в начале прошлого века В.И. Сизовым, О.И. Подобедова, Б.А. Рыбаков и другие исследователи привычно истолковывают их как аллегорические. Однако смысл этих аллегорий так и остался неясным, а трактовки — сугубо произвольными.

Обычно исследователи ограничиваются, так сказать, персональной идентификацией того или иного изображения животного, исходя из внешнего сходства и «здравого смысла», в основе которого лежали интуиция и внешние аналогии с изображениями, возникшими в другое время и в других культурных традициях, и основания определения которых, как правило, не уточняются (Гладкая 2003: 22–34, 41 и др.). Хорошо известно, однако, что интуитивные попытки определить животное, изображенное на миниатюре или на рельефе, для древнерусских (как, впрочем, и для западноевропейских средневековых) визуальных источников далеко не всегда дают удовлетворительный результат (Белова 2000: 64–65, 95, 148 и

др.). Даже гораздо более «сюжетные» изображения человеческих фигур с трудом поддаются интуитивным идентификациям. Показательны, скажем, расхождения в трактовке центральной человеческой фигуры в фасадной пластике Рождественского храма в Боголюбове, на трех фасадах храма Покрова на Нерли и трех же фасадах Дмитриевского собора во Владимире. Только открытие в 1974 г. резной надписи рядом с рельефом в западном тимпане закомар Дмитриевского собора (Гладкая Скворцов 1976: 42, 43) позволило отказаться от интерпретации этих фигур — вслед за Н.П. Кондаковым (Толстой Кондаков 1899: 31; Кондаков 1899: 22–23; ср.: Малицкий 1931: 33; Вагнер 1969: 74–76, Рис. 40, 87, 90, 105, 180, 181, 278 и др.) — как изображений Соломона и признать их изображениями царя и пророка Давида (Вагнер Воробьев 1997: 196; ср.: Прохоров 1875: 46; Косаткин 1914: 5; Некрасов 1937: 114; Рыбаков 1951: 455; Лазарев 1953: 412–414; Воронин 1961: 437; Даркевич 1964: 46–53, и др.).

Между тем, именно на внешних («видовых») признаках основываются символические трактовки образов животных, украшающих страницы РЛ.

Так, по мнению О.И. Подобедовой, медведь на л. 155 об. «иллюстрирует известие о походе Ярослава на ятвягов (в данном случае медведь — символ леса, лесной области ятвягов)», обезьяна, изображенная на л. 158, «явно имеет аллегорическое значение и, очевидно, обозначает здесь легкомыслие и растерянность врага, прельстившегося “сладостью мира сего” (сладостный плод, который грызет обезьяна) и потерпевшего поражение», изображение кошки с мышью на л. 161 (мин. № 371) — иронически комментирует сообщение о походе Мстислава на кривичей «четырьмя путями» («мастер уподобил эти действия расправе кошки с мышью»), а лев на л. 165 является эмблемой незаконно севшего в Переяславле Юрия Долгорукого («лев был в XII–XIV веках эмблемой сузальских князей в их гербе»): «После такой пририсовки становилось понятным, против какого города и по какому поводу выступила рать...» (Подобедова 1965: 74, 78).

Б.А. Рыбаков же считает, что «весь “звериный” комплекс 1111–1132 годов связан с победами Мономаха, Мстислава и одного из сыновей Мстислава: «Звери на полях миниатюр символизируют то лесную природу покоренных краев (медведи), то пугливость кочевников, “мятущихся сде и онде” (обезьяна), то ситуацию внезапного удара (кошка и мышь), то свару (собака), то содержат грубоватую, в средневековом духе иронию: Юрий Долгорукий потерял Переяславль, прокляжив там всего лишь одну неделю, и художник пририсовывает к

стандартной схеме миниатюры геральдический символ Юрия — льва — и воина, прогоняющего царственного зверя суковатой дубиной» (Рыбаков 1984: 291).

Такой подход к истолкованию смысла миниатюр, по ироничному замечанию А.П. Толочко, приводит всякий раз — в зависимости от того, как исследователь понимает и оценивает иллюстрируемую миниатюрой ситуацию — к подбору новых смыслов одного и того же изображения: «У Рыбакова, например, медведь символизирует то “Литовское Полесье”, то Полоцк, то полоцкого князя; “убегающая собака” — то половцев, то “русского князя”; для Подобедовой обезьяна служит символом “легкомыслия и растерянности”, для Рыбакова — пугливости. Исследователи, впрочем, солидарны в том, что лев... есть несомненный и легко узнаваемый герб Юрия Долгорукого, но это очевидное недоразумение: никаких гербов и даже геральдических символов домонгольская Русь не знала» (Толочко 2005: 66-67).

Сам А.П. Толочко предложил весьма оригинальную трактовку нескольких изображений зверей, опираясь на композиционное сходство их изображений с аллегорическими фигурами «Видения четырех погибельных царств» из пророчества Даниила (Дан 7 1-8), помещенными в медальоне на западной арке среднего нефа Успенского собора во Владимире-на-Клязьме и приписываемые Андрею Рублеву. Такое сопоставление позволило ему высказать гипотезу, что «собака» на л. 155 является изображением льва — символа Римского царства, медведь на л. 162 — символом Вавилонского царства, неизвестное парнокопытное животное зелено-голубого цвета, определяемое обычно как «баран» (л. 164), — символом царства Антихриста, а лев на л. 165 — на самом деле «барс», символ царства Македонского (Толочко 2005: 67-76).

При всей соблазнительности и, на первый взгляд, убедительность такой трактовки она не может быть признана вполне доказанной. Если согласиться с интерпретацией, предложенной А.П. Толочко, то как тогда объяснить изображение «собаки» на л. 157? И что делать, скажем, с уже неоднократно упоминавшимся изображением обезьяны? Вполне справедливо сам автор этой гипотезы пишет: «Приходится признать, что ключ к прорисовкам не найден. Некоторые из изображений, не исключено, так и останутся неистолкованными» (Толочко 2005: 67).

Тем не менее, путь интерпретации древнерусских летописных миниатюр, намеченный в самом начале прошлого века, представляется вполне актуальным и плодотворным

и сегодня, столетие спустя. Необходимо лишь не останавливаться на поисках внешних аналогий, а искать «точку опоры», которая позволила бы сделать следующий шаг в понимании языка древнерусского миниатюриста. Ею может стать и изучение «визуальной текстологии» (поиски «протографов» летописных изображений), и выявление корреляций вербальных и визуальных источников, возможно, с применением элементов контент-анализа – не только вербального, но и изобразительного текстов древнерусских лицевых рукописей. Для этого, видимо, следует заняться «анатомированием» как тех, так и других, с последующей статистической обработкой аналитического материала и установлением устойчивых связей между отдельными элементами словесных и изобразительных информационных сообщений.

В самом общем виде проблемы, которые возникают при решении таких задач, были сформулированы А.А. Амосовым: «Главным препятствием в создании целостной историко-культурологической картины [при изучении летописных миниатюр] является колоссальная сложность совокупности лицевых рукописей как системы: система эта включает огромное количество уровней, каждый из которых образован труднообозримым числом узлов и почти непредставимым множеством связей между узлами как компонентами системы. Поясню тезис одним лишь примером. Первая из сохранившихся до наших дней лицевая русская хроника – Радзивиловская летопись – включает более 600 миниатюр; как правило, каждая миниатюра представляет два, а подчас и более, эпизода-события, то есть число эпизодов существенно превышает 1200; в каждом эпизоде-событии действуют несколько персонажей и помещены несколько иных объектов, не будет поэтому большим преувеличением утверждение о присутствии в миниатюрах более чем 6000 данных элементов; в графической структуре каждого персонажа или объекта можно выделить не менее десятка различного рода реалий, следовательно, их количество перейдет за 60000; наконец, количество связей, возникающих между отдельными реалиями как элементами композиций, будет еще как минимум на порядок выше. Между тем Радзивиловская летопись далеко не самая обильная по количеству миниатюр, а композиции ее иллюстраций сравнительно просты. Создававшийся же столетием позднее Лицевой летописный свод уже на первом уровне – то есть по количеству миниатюр – представляет собой систему почти в тридцать (!) раз более сложную. И эта сложность будет возрастать в геометрической прогрессии при переходе к каждому следующему уровню: эпизоду-событию, персонажу либо объекту, реалии и т. п.» (Амосов 1998: 228).

Несомненно, подобная работа требует существенных затрат времени, сил и материальных средств. Тем не менее, она, очевидно, обязательно должна быть проведена.

Литература:

Айналов 1908: Айналов, Д.В. О некоторых сериях миниатюр Радзивиловской летописи – Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук, 1908, 13, 2.

Амосов 1998: Амосов, А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Санкт-Петербург, 1998.

Артамонов 1931: Артамонов, М.И. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи – Известия Государственной академии истории материальной культуры, 1931, 10, 1.

Арциховский 1944: Арциховский, А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Москва, 1944.

Арциховский 2004: Арциховский, А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. [2-е изд., доп.] Томск.; Москва, 2004.

Белова 2000: Белова, О.В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. Москва, 2000.

Вагнер 1969: Вагнер, Г.К. Скульптура Древней Руси: XII век. Владимир. Боголюбово. Москва, 1969.

Вагнер Воробьева 1997: Вагнер, Г.К., Воробьева Е.В. Архитектурный декор Руси X–XIII веков – В: Древняя Русь: Быт и культура. Москва, 1997.

Воронин 1961: Воронин, Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Москва, 1961, 1: XII столетие.

Гладкая 2003: Гладкая, М.С. Каталог белокаменной резьбы Дмитриевского собора во Владимире: Центральное прясло северного фасада. Владимир, 2003.

Гладкая Скворцов 1976: Гладкая, М.С., Скворцов, А.И. Новое о рельефах Дмитриевского собора – Декоративное искусство СССР, 1976, 11.

Данилевский 2001: Данилевский, И.Н. Русские земли глазами современников и потомков: XII–XIV вв. Курс лекций. Москва, 2001.

Данилевский 2004: Данилевский, И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. Москва, 2004.

Даркевич 1964: Даркевич, В.П. Образ царя Давида во владимиро-суздальской скульптуре – Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 1964, 99.

Кондаков 1899: Кондаков, Н.П. О научных задачах истории древнерусского искусства. Санкт-Петербург, 1899.

Кондаков 1902: Кондаков, Н.П. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной

летописи – В: Радзивиловская, или Кенигсбергская летопись. Санкт-Петербург, 1902, 2: Статьи о тексте и миниатюрах рукописи.

Косаткин 1914: Косаткин, Н.В. Дмитриевский собор в губ. гор. Владимире. Владимир, 1914.

Лазарев 1953: Лазарев, В.Н. Скульптура Владимира-Сузальской Руси – В: История русского искусства. М., 1953, 1.

Летопись 1767: Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 г. Библиотека Российской историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие объяснению истории и географии Российской древних и средних времен. СПб., 1767, 1.

Лихачев 1979: Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Москва, 1979.

Малицкий 1931: Малицкий, Н.В. Fanina W. Halle. Die Bauplastik von Wladimir-Suzdal Russische Romanik. Berlin, 1929 – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры, 1931, 2.

Некрасов 1937: Некрасов, А.И. Древнерусское изобразительное искусство. Москва, 1937.

Подобедова 1965: Подобедова, О.И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. Москва, 1965.

Прохоров 1875: Прохоров, В. Археологический обзор древнейших архитектурных памятников во Владимире и Суздале – Христианские древности и археология, 1875, 1–2.

РЛ 1989: Полное собрание русских летописей. Ленинград, 1989, 38: Радзивиловская летопись.

РЛ 1994: Радзивиловская летопись: Факсимильное воспроизведение рукописи. Санкт-Петербург; Москва, 1994.

Рыбаков 1946: Рыбаков, Б.А. Окна в исчезнувший мир: По поводу книги А.В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М.: Изд. МГУ, 1944) – В: **Арциховский 2004** [впервые опубликовано: Доклады и сообщения исторического фак-та МГУ, 1946, 4].

Рыбаков 1951: Рыбаков, Б.А. Прикладное искусство и скульптура – В: История культуры Древней Руси: Домонгольский период. Москва; Ленинград, 1951, 2: Общественный строй и духовная культура.

Рыбаков 1984: Рыбаков, Б.А. Миниатюры Радзивиловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII веков – В: Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси: Исследования и заметки. Москва, 1984.

Рыбаков 1991: Рыбаков, Б.А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». Москва, 1991.

Сизов 1905: Сизов, В.И. Миниатюры Кенигсбергской летописи: Археологический этюд – Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук, 1905, 10, 1, 1–50.

Толочко 2005: Толочко, А.П. Пририсовки зверей к миниатюрам Радзивиловской летописи и проблема происхождения рукописи – Ruthenica, 4, 2005.

Толстой Кондаков 1899: Толстой, И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1899, 6: Памятники Владимира, Новгорода и Пскова.

Шахматов 1902: Шахматов, А.А. Описание рукописи – В: Радзивиловская, или

Кенигсбергская летопись. Санкт-Петербург, 1902, 2: Статьи о тексте и миниатюрах рукописи.

Шмитт 2002: Шмитт, Ж.-К. Историк и изображения – Одиссей: Человек в истории. 2002.

Слово и образ в средневековой культуре. Москва, 2002.

Schlözer 1768: Schlözer A.L. Probe russischer Annalen. Bremen–Göttingen, 1768.

Schlözer 1802–1809: Schlözer A.L. Hector: Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache verlichen, übersetzt und erklärt. 1–5. Göttingen, 1802–1809.

Информация об авторе:

Данилевский Игорь Николаевич, доктор исторических наук, ординарный профессор, заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Россия, г. Москва)

E-mail: viddanin@mail.ru